

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ПРИНЦИПА ПАРТИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ФИЛОСОФИИ

И. Г. Подпорин, А. Ю. Опарин

Институт бизнеса и менеджмента технологий
Белорусского государственного университета,
ул. Московская, 5, 220007

Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023 Минск, Республика Беларусь
e-mail: podporiny@mail.ru; oparin.a@tut.by

В статье обосновывается генеалогическое значение принципа партийности в некоторых версиях современной политизированной философской мысли. Опираясь на работы В.И. Ленина, Л. Альтюссера, А. Бадью и С. Жижека авторы показывают, что принцип партийности может рассматриваться как метатеоретический принцип философии, а также принцип, предвосхитивший проблему отношения универсального и партикулярного в современной социально-политической мысли и практике.

Ключевые слова: принцип партийности; современная философия; универсальное и партикулярное; генеалогическое значение.

ON THE GENEALOGICAL IMPORTANCE OF THE PRINCIPLE OF PARTIINOST' IN MODERN POLITICIZED PHILOSOPHY

I. Padporyn, A. Oparin

School of Business and Management of Technologies
of the Belarusian State University,
Moscovskaya Str., 5, 220007,

Belarusian State Agrarian Technical University,
Nezavisimosti Av., 99, 220023, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: podporiny@mail.ru; oparin.a@tut.by

The genealogical importance of the principle of partiinost' is substantiated in some versions of modern politicized philosophical thought. Drawing on the works of V. Lenin, L. Althusser, A. Badiou and S. Zizek, the authors show that the principle of partiinost' can be regarded as a metatheoretical principle of philosophy, and also a principle that anticipates the problem of the relation between the universal and the particular in modern social and political thought and practice.

Keywords: the principle of partiinost'; modern philosophy; universal and particular; genealogical importance.

Состоявшийся факт исторической и мировоззренческой самодискредитации марксистско-ленинского принципа партийности в философии и социально-гуманитарных науках сегодня мало у кого вызывает сомнение. Выступая в советское время как идеологический принцип, структурирующий и направляющий всевозможные социальные

практики, принцип партийности был инструментом настолько сильного социального прессинга, что, отойдя в историю, вызвал не только мощный взрыв критической продуктивности интеллектуалов в отношении советского марксизма [3], но и последовавший за ним эффект фрустрации, не позволивший некоторым из них даже по прошествии многих лет отнестись к этому принципу со всей критической серьезностью. Сегодня оценки принципа партийности и его роли в общественной жизни можно расположить в пространстве от его понимания как фатального исторического недоразумения (о котором нужно поскорее забыть) до прямой трансляции определяющей роли этого принципа в политической жизни соответствующих рудиментарных партий и движений все еще представляющих себя прямыми наследниками «единственно верного» марксизма-ленинизма. Вместе с тем, ленинский принцип партийности оказался не так прост, как кажется при первом приближении, в силу ряда теоретических и социально-политических обстоятельств, на которые здесь необходимо специально указать. У авторов настоящего текста есть подозрение, что различные версии современной социально-критической теории, особенно в ее политическом направлении, придерживаются ряда установок и имеют ряд особенностей, которые генеалогически (в смысле генеалогии Ф. Ницше и М. Фуко) связаны с канувшим в историю принципом партийности. В частности, речь идет не только об установках, связанных с аподиктическим социальным и политическим значением философии и гуманитарных наук, но и о некоторых способах постановки проблем и их решения (вплоть до структурных особенностей левых теорий).

С другой стороны, представляется, что философия и социально-гуманитарные науки, потеряв марксистско-ленинский принцип партийности, вместе с ним потеряли на отечественном пространстве свое особое социальное значение и соответствующие ему статус и авторитет. При всем вышесказанном, существует также особый постсоветский исторически сложившийся общественно-практический контекст, который теперь уже (после принципа партийности) не отсылает ни к какой продуктивной философской или теоретической деятельности. Несколько упрощая, можно сказать, что в нашем наличном политическом поле нет актуальной общественной востребованности в философских и социально-политических концепциях (исключая различные варианты формального удовлетворения идеологических интересов). Тем не менее, идея практизации философии, с одной стороны, а также теоретизация или концептуализация социально-политической жизни – с другой, способны, на наш взгляд, значительно расширить позитивные возможности общественных изменений. Принцип партийности, как мы помним, в свое время претендовал на роль одного из инструментов создания общества будущего. То регрессивное общество, к которому привело его применение, не только способствовало подрыву левых идей и всех, связанных с ними

социальных практик, но и некоторым образом заставило последующих теоретиков отказаться от него, но без радикального разрыва с его предполагаемой интенцией. Мы полагаем, что можно говорить о своеобразных аватарах или, по крайней мере, *генеалогическом значении принципа партийности в некоторых вариантах современной политизированной философии*. Если это так, мы склонны утверждать, что принцип партийности, при всем своем советском партикуляризме, содержал нечто универсальное (пусть даже в виде всеобщих проблем), на что и нужно обратить внимание.

Сразу же нужно отметить, что работы В. Ленина, актуализирующие партийность [см., напр. 6], могут быть прочитаны как содержащие принцип партийности в качестве практического инструмента реализации попытки универсальной (всеобщей) эмансипации человека. Понимая внедрение партийности как «пролетарское дело», Ленин высказывает тезисы, которые сегодня можно интерпретировать с учетом следующих обстоятельств. Оппозиции, к которым апеллирует Ленин, в частности, «материализм – идеализм», «общественное – индивидуальное», «пролетарское – буржуазное», «свобода – рабство», «партийность – беспартийность» должны быть поняты не как альтернативы, располагающиеся на различных полюсах сознания и общественной жизни, а как соотносящиеся в рамках иерархического порядка. Причем принципы материализма, общественного, пролетарского, свободного, партийного для Ленина выступают как высшие, по сравнению с им противоположными, и, следовательно, рассматриваются как *безальтернативные*. Попросту говоря, не существует никакой альтернативы (как в сознании, так и в социальном развитии) материализму, общественному интересу, свободе и т.п. вплоть до партийности. В этом смысле *не существует никакого беспартийного сознания или социальной практики*. И точно так же, как пролетариат репрезентирует для него интересы всего стремящегося к свободе человечества (так сказать, всех людей доброй воли), взяв на себя роль авангарда, таким же образом принцип партийности универсализируется как инструмент организации принципиально нового всеобщего сознания и социального порядка. Эта благородная вера (если угодно, субъективная уверенность), направленная к построению свободного общества, тем не менее, сопровождается неким параллельным контрвектором, вызывающим противоречия (например, когда Ленин пишет об «очищении» партии, возникает вполне уместная отсылка к Сталину с его партийными чистками, несмотря на то, что Сталина трудно упрекнуть в прямом следовании мысли Ленина). Иными словами, в принципе партийности как универсальном способе достижения свободы маячит иная интенция – репрессивной всеобщности. Однако трактовка философского значения партийности, предложенная, в свою очередь, Л. Альтюссером, смещает акценты.

Л. Альтюссер полагал, что принцип партийности, трактуемый не как политический лозунг, а как философское понятие [1, с. 71], открывает новое понимание «философской практики», т.е. отношения между политикой, наукой и философией. Альтюссер мыслит философию как место встречи политики и науки (теории): «Философия являет собой некую третью инстанцию, занимает место между двумя высокими инстанциями, которые определяют и ее сущность как инстанции: между классовой борьбой и наукой» [1, с. 73-74]. Новая «философская практика» теперь состоит в том, чтобы репрезентировать науку в политике и политику в науке. Философия, таким образом, наконец-то ставит проблему реализации XI тезиса из «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса. Это означает для Альтюссера (с его иногда ещё более радикальной презентацией философии как «классовой борьбы в теории») процесс создания новой «теории философии», а принцип партийности приобретает метатеоретическое значение для самой философии, теперь уже рефлексивно связанной с изменениями в науке и политике и поэтому выдвигающей себе требование постоянного изменения. Отсюда определяется и статус философии как практически пригодной, хотя и вторичной. Эту же линию осмысления философии развивает А. Бадью, настаивая на том, что философия не способна сама из себя породить истину, а может реализоваться только через сферы практического установления истины, каковыми являются политика, наука, искусство и любовь [см. 3]. Здесь мы подходим к другому интересному моменту, связанному с попыткой практического преодоления принципа партийности.

А. Бадью отказывается от принципа партийности, практикуя и обосновывая политику без партий, а также от политики «очищения» в пользу политики «отнятия» («отделения») [2]. С. Жижек так определяет это различие: «В отличие от очищения, которое пытается выделить зерно Реального посредством его насильственной очистки, отнятие начинает с Пустоты, с сокращения («отнятия») всякого определенного содержания, а затем пытается установить минимальное различие между этой Пустотой и элементом, функционирующим в качестве ее заместителя... Собственно политика, таким образом, всегда связана со своеобразным коротким замыканием между Всеобщим и Частным: парадокс *singulier universel*, единичного элемента, который выступает в качестве заместителя Универсального, дестабилизирующего «естественный» функциональный порядок отношений в социальном теле» [5, с. 221-222].

Примерами такой политики служат все выдающиеся демократические события – революции, движения сопротивления и т.п. Не вдаваясь в подробности реализации политики отнятия, зададимся вопросом: не был ли принцип партийности Ленина тем необходимым элементом, служащим возможностью политики «отнятия» как реализации демократического принципа, взрывающего существующий репрессивный

порядок? Отрицая партийную политику, прежде всего, в виде диктата государства-партии (сталинской модели), при которой народ в качестве демократического субъекта определяется партийной принадлежностью (когда «беспартийные» исключаются «очищением»), Бадью пытается предложить модель, при которой реализуется демократический принцип участия в политике всякого: не партия конституирует народ, делая его субъектом политики (по факту – управляемым населением, материалом), а народ как отдельные индивидуальные и социальные универсализированные субъекты полагает политическое поле.

Возвращаясь к универсальности принципа партийности Ленина, нужно отметить одну из базовых его интенций на всеобщее включение в политическое поле. Ленин пишет об открытой организации: «...Теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики» [6, с. 15]. И это должно произойти в контексте универсальной задачи пролетариата как носителя мечты о всеобщем освобождении и инструмента тотальной эмансипации: пролетариат занимает «подлинное место истины, но также место, из которого мир подвергается изменению», как писал в своё время Э. Балибар [7, с. 92].

Итак, принцип партийности, как представляется, имеет значение, которое можно резюмировать следующим образом. Он может быть интерпретирован как:

1) метатеоретический принцип в отношении философии, существующей самостоятельно между политикой и наукой, не сливаясь и не утрачивая необходимой связи с ними;

2) как принцип эмансипационной универсализированной политики, репрезентирующий, тем не менее, внутренний всеобщий конфликт любого политического субъекта в столкновении двух стратегий: партикуляризма и универсализма. Каждая из этих стратегий имеет относительный освободительный и поработочающий потенциал.

Принцип партийности, таким образом, можно рассматривать как протопринцип, репрезентирующий некоторые возможные проблемы в современном философском и социально-теоретическом мышлении, а также политической практике, что придает данному принципу генеалогическое значение в отношении некоторых версий современной политизированной философской мысли.

Библиографические ссылки

- 1.Альтюссер, Л. Ленин и философия / пер. с фр. Н. Кулиш. – М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2005. – 176 с.
- 2.Бадью, А. Политика: неэкспрессивная диалектика / пер. с фр. Д. Колесника // left.by [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://left.by/archives/2873>. – Дата доступа: 21.03.2018.
- 3.Бадью, А. Манифест философии / пер. с фр. В. Лапицкого. – Спб.: Machina, 2003/ – 184 с.

- 4.Добренко, Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики / Е. Добренко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – №3 (27). – С. 26-64.
- 5.Жижек, С. 13 опытов о Ленине / пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2003. – 254 с.
- 6.Ленин, В.И. Партийная организация и партийная литература / В.И. Ленин // Ленин В.И. С чего начать? – Партийная организация и партийная литература. – О характере наших газет. – М.: Политиздат, 1972. – С. 11-16.
- 7.Balibar, E. Masses, classes, ideas: studies on politics and philosophy before and after Marx. – L.: Routledge, 1994.